

"Забытые боги" (Коренблит – Кондратьев)

1. Отчего?	– 1.36
2. Предчувствие восхода	– 2.13
3. Месяц	– 2.10
4. Похищение весны	– 1.56
5. Кикимора – Баюну	– 2.41
6. Сева	– 1.59
7. Микула	– 2.17
8. Мерцана	– 2.09
9. Перун	– 2.10
10. Лето	– 2.16
11. Огонь – припекало	– 2.04
12. Волос	– 2.28
13. Морская царевна	– 2.10
14. Морской царь	– 1.52
15. Бедный мой друг	– 2.39
16. Вилы	– 2.12
17. Древяницы	– 1.52
18. Чур	– 2.02
19. Маковья	– 1.31
20. Сон лета	– 1.39
21. Полевик	– 1.25
22. Плач Лады	– 2.28
23. Чаша Чернобога	– 2.41
24. Забытые боги	– 2.28
25. Близкие тени	– 2.58
26. Светлый Витязь	– 1.27
27. Марена – Дажбогу	– 2.04
28. Род	– 2.10

Общее время звучания – 59.37

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОТЧЕГО?

Вы разрушили храм и со смехом во прах
 Все колонны повергли его.
 Отчего же теперь мучит душу вам страх?
 Отчего у вас ужас написан в глазах?
 Сжалось сердце у вас отчего?
 Отчего заунывные крики совы
 И шакала голодного вой
 Или шепот растущей в руинах травы
 Вызывает в вас дрожь, и смущаетесь вы
 Перед грудой развалин немой?..

2. ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОСХОДА

Они горят, горят закатные огни.
 Всю даль туманную объял их строй багряный.
 В них гул мне чудится и возгласы резни,
 Знамена красные и крови запах пряный.

Они идут, пришли расплаты грозной дни.
 Ликующей толпы я слышу хохот пьяный
 И, внемля отзвукам ружейной трескотни,
 С улыбкой шлю привет тебе, закат румяный.

Я знаю: за тобой беззвучно ночь ползет
 И, от очей моих вечерний свет скрывая,
 Меня в объятиях таинственных сожмет.

О, ночь предвечная, зловещая, немая,
 Ты в мире царствуешь, но не боюсь тебя я
 И солнца нового предчувствую восход!

3. МЕСЯЦ*

В серебряной ладье по темным небесам
 Над сонною землей плыву я одиноко.
 Задумчиво вокруг мое взирает око.
 Куда несет мой челн — того не знаю сам.
 Пусть вокруг меня горят и близко, и далеко
 Огни красавиц звезд. К зовущим их устам,
 К знакомым мне золотым и пышным волосам,
 Ах, не влечет меня! Очей моих с востока
 Не в силах отвести. В запретном терему
 Там спит теперь Заря, царица молодая.
 Лишь минет ночь, она, улыбкой разгоняя
 Туман, появится к восторгу моему.
 Но девы с розовым лицом не обниму.
 В ее сиянии я исчезаю, тая...

...

* По польски *ksiezicz* (княжич).

4. ПОХИЩЕНИЕ ВЕСНЫ *

Кто только ни желал назвать меня своей,
 Кто ни ловил меня, любовь мне предлагая!
 Ах, не ко всем богам равно была строга я!..
 Ярило и Дажбог... Не помню, кто милей.
 Но счастья моего не много было дней.
 Однажды с девами земными, вся нагая,
 На берегу реки резвилась я. Пылая,
 Большой костер горел из хвороста и пней...
 В честь Солнца и Воды был праздник. Друг за другом
 Скакали девушки через огонь. Подругам
 Я крикнула: «Бегу! Смотрите на меня!»
 И прыгнула. Но тут внезапно бог огня,
 Меня схватив, унес. Очнулась я с испугом
 Царицей недр земных, где глаз не знает дня.

* Миф о похищении Весны нашел частичное отражение в русской сказке о Снегурочке. Более подробно разработан профессором Фаминцыным.

5. КИКИМОРА* - БАЮНУ**

Добыча злобных ведьм, далеко от родных,

В подземном царстве я младенческие лета
 В глубокой тишине вела, не зная света,
 Забыта близкими и позабывши их.
 К незримым ликам сил таинственно немых
 Мольбы и жалобы все были без ответа.
 Твоей лишь близостью душа была согрета,
 Мой черный кот, Баюн, свидетель слез моих!
 Ты утешал меня, играл со мной не раз,
 Мурлыча мне во тьме пленительные сказки...
 Кикиморою став и к людям в дом вселясь,
 Их пряжу пугаю, краду у жен подвязки,
 Детей пугаю и... люблю припомнить ласки
 Порой твои, Баюн, и блеск зеленых глаз.

*Украденный нечистой младенец, по преимуществу женского пола, ставший шаловливым домашним гением.

** Демоническое существо, приносящее детям сон и развлекающее их играми и сказками (см. Сахаров).

6. СЕВА*

Ни пыли выбивать, ни прясть, ни мыть белья,
 Ни льна с пенькой чесать, ни вслед за бороною
 Ходить, ни пол мести не позволяю я
 В дни праздников моих, чтоб волосы, волною
 До пят бегущие по телу за спиною,
 Мне не пылили бы. Моих одежд края
 Цветами вышиты. В венце, над головою,
 Колосьев золото сплелось, блеск струя...
 Весною зерна я вокруг незримо сею,
 Внимаю дев мольбам. Их утешать умею.
 В руках моих цветы. Несу их в сладкий дар
 Людскому племени. Меня и млад и стар —
 Все чтут. Я все дарю улыбкою своею:
 И пашен борозды, и счастье юных пар.

* По Гельмольду (XII в.), Сева (Siva) — богиня полабских славян, приносящая благополучие. По чешской «Mater Verborum» — dea frumenti

7. МИКУЛА*

Сверкающей сохой он пашет целину.
 Валятся в борозду и сосенки и ели,
 И радостно вокруг звенят пичужек трели,
 Немолчно славящих красавицу Весну.
 Лошадка напряглась. Натянуты в струну
 Гужи шелковые. О камни заскрипели
 Присошки, золотясь. Дух от весенней прели
 С земли вздымается... — «А ну, кобылка, ну!» —
 Порою слышен крик бодрящий и могучий Микулы.
 Одетый пахарем, и в лапти и в онучи,
 Сам ходит по весне он за сохой скрипучей.
 Возлюбленный Земли, он верно служит ей.

* Земледельческое божество, «которое любит Мать-Сыра-Земля» (как Деметра Язиона), Микула стал потом одним из «старших» богатырей.

8. МЕРЦАНА*

Перуна грозного возлюбленная дочь,
Я — светлоокая небесная царевна.
Из-под ресниц моих, лишь только гляну гневно,
Зарницы всполыхнут, и, царственная, прочь
Отпрянет с трепетом, встречая взор мой, Ночь...
В мой терем царь — отец заходит ежедневно.
И я молю его и сладко, и напевно:
«Поведай, батюшка, кто мать мне? Ах, невмочь
Без нежных ласк ее грустить средь небосвода!
О, пожалей меня! Скажи мне, где она?!..»
Вотще! Молчит Перун. И я, не зная сна,
Брожу от сумерек вдоль нив и огородов,
Благословляя их, чтоб червь не трогал всходов.
Улыбка уст моих спокойна и грустна.

* Мерцана, которую следует отличать от польской Маггапы, по толкованию Бутурлина, — Зарница.

9. ПЕРУН

Я — князь богов, Перун. Престол мой выше туч;
Далеко молнией разит моя десница;
Грохочет по небу, сверкая, колесница,
Когда я мчусь на ней, ужасен и могуч...
Люблю листву дубов, люблю гремучий ключ;
Кабан* мне посвящен как зверь, орел — как птица.
Имею много жен. Из дочерей — Зарница
Моя любимая... От синеморских круч
До балтских хладных вод лежит моя держава,
От скал Биармии до царственных Карпат.
Повсюду властвую и насаждаю право;
Везде мои дубы священные шумят;
Везде приемлю дань, и, после войн, кровавый
Заколотых мне жертв впиваю аромат...

* Кабаньими клыками (иногда из ценных металлов) украшались посвященные златобородому Перуну дубы.

10. ЛЕТО*

Я — Лето, Солнца мать. Когда-то ночи тьму
Рассеяв, родила я в небесах Дажбога.
Прекраснее, чем он, нет и не будет бога,
И всю мою любовь я отдала ему...
Сын лучезарный мой, высоко в терему
Я у окна сижу. В душе моей тревога.
Опасна и трудна лежит твоя дорога.
Но ты придешь ко мне, и нежно обниму
Усталого, как мать умеет лишь обнять;
Отмою жаркий пот прохладною водою,
Все тело оботру ширинкой расписною,

Дам пить и накормлю, и уложу в кровать.
Ты мне поведаешь, что видел над землею,
И стану с гордостью словам твоим внимать.

* Лето красное, богиня солнечного происхождения, именем своим совпадает с греческой богиней, матерью Аполлона и Дианы. Она же, по-видимому, является Солнцевой Матерью русских сказок.

11. ОГОНЬ-ПРИПЕКАЛО*

Я — Припекало бог. Я красным петухом
Являюсь на костре с таинственным шипеньем
В купальном сумраке, и девы звонким пеньем
Меня приветствуют, украшены венком.
Лишь огненный мой лик для смертного знаком.
Умерших я дарю блаженством и забвеньем.
Я пепелю их прах. Меня с благоговеньем
Горячей кровью жертв кропят и молоком...
Но, ведомо жрецам: есть у меня иной —
Незримый лик. Все то, что на груди земной
Встает и тянется, горя желаньем темным
Соединения, — все движимо лишь мной!
Повсюду я разлит. Я и в цветочке скромном,
И в парах, скрывшихся по уголкам укромным.

* По свидетельству архиепископа Даельготта Магдебургского (1108 г.), божество Припекало (Pripegala) принимало человеческие жертвы, отличалось бесстыдным характером и именовалось победоносным.

12. ВОЛОС *

Я – Волос, бог певцов и покровитель стад.
Все мне принадлежит, что волосом одето.
В дни светло-знойные, когда богиня Лето
И Дажбог благостно Земле тепло дарят,
Я вместе с тварью всей лучам небесным рад,
Целящим горести. Их ласкою согрета,
Поет свирель моя. Увы, не жду ответа
От той, что прежде мне дарила жгучий взгляд.
Я позабыт давно, но сам забыть не в силах.
Лежу на холмике, ничком, к земле припав;
Пью аромат цветов и благовонных трав;
Мечтаю в сумраке о ласках Лета милых,
И песен отзвукам русалочьих унылых
Я внемлю, от реки летящим из дубрав.

* Иначе — Белее. Судя по глиняным статуэткам Юга России, изображался бородатым и со свирелью, унаследованной сменившим его лешим; иногда — в соломенной шляпе.

13. МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Царя Морского дочь, люблю я в летний зной
Покинуть празелень подводного чертога,
Расплетши волосы, их посушить немного
И с пеной шумною сравниться белизной.
Прекраснее меня нет в море ни одной

Из царских дочерей. Отец нас держит строго.
 Но жажда бросить взор на солнечного бога
 Толкает властно всплыть над теплою волной,
 Отца запрет забыт. Ликуя и смеясь,
 Я, запрокинув лик, качаюсь в сладкой неге
 И жду среди синих вод. Вот в неустанном беге
 Своих коней летит по небу светлый князь.
 Он надо мною!.. Плеск... Из золотой телеги,
 Обрызган, выглянул, краснея и стыдясь...

14. МОРСКОЙ ЦАРЬ

Сквозь окна моего хрустального дворца
 И солнце видимо, и розовые зори,
 И с удивлением бессмысленным во взоре
 В них рыбы тычутся день целый без конца...
 Давно я не видал веселого лица
 И не плясал давно. И с дочерьми мне горе;
 От рук отбились и в небе на просторе
 Летают лебедями, не слушая отца...
 Того и жди теперь, что та иль эта дочь,
 Не ведая о том, как люди вороваты,
 Соскучась по воде, сорочку скинет прочь
 И в первый пруд нырнет, но птичьей шкурки снятой,
 На сушу вылезши, уж не вернет без платы...
 И жди ее потом напрасно день и ночь!

15. БЕДНЫЙ МОЙ ДРУГ

Синяя искра во тьме безначальной.
 Ропот, подобный морскому приборю.
 Тихий и ласковый шепот печальный:
 «Бедный мой друг, я повсюду с тобою».

Канули в вечность пространство и время,
 Ужасом бездны холодные полны.
 Сияются сбросить гнетущее бремя
 Вечного Хаоса шумные волны.

Птицей во мраке кружась незримой,
 Тьмы вековечной подавлен тоскою,
 Слышу я шепот: «О, друг мой любимый,
 Бедный мой друг, навсегда я с тобою!»

16. ВИЛЫ*

Высоко в облаках и среди лесных дубрав,
 Вблизи источников, во мгле ущелий темных
 Живем мы, гордые, вдали очей нескромных
 Людского племени. Наш независим нрав.
 С колчаном за спиной, одежду подобрал,
 Порою на лосях несем мы огромных
 Вслед за медведицей среди скал головоломных.
 Иль, волхвованьями напевными собрав
 На небо облако, мы частым ливнем склоны
 Омоем наших гор, и по тропе крутой,

Насквозь промоченный, пришлец бежит домой.
У светлого ключа мы любим мох зеленый.
Там сладок отдых наш, и юноша влюбленный,
Случалось, нарушал без гнева наш покой...

* Согласно Louis Leger, были известны всем славяна* кроме балтийских. Обитали в облаках, на земле и в воде (даже морской). Строили из облаков воздушные замки.

17. ДРЕВЯНИЦЫ*

Мы — дочери Земли, но наш не долог век.
Родясь с деревьями, мы умираем с ними.
Завидя в сумраке, то девами лесными,
То деревяницами зовёт нас человек.
Нам солнце — друг; враги — огонь и дровосек.
Зимой, окутаны плащами снеговыми,
Мы грезим в полусне, и грезами своими
К теплу уносимся, забыв мороз и снег.
Ночами летними, в сиянье серебристом
Луны, мы кружимся среди немых полян.
Блестящим поясом охвачен легкий стан;
Чело осенено венком широколистым;
Тела украшены дарами поселян:
Цветными лентами, а изредка — монистом.

* Соответствующие греческим дриадам души или богини деревьев. «Матушка Ель, оборони от темной ночи», — просит у них ночлега охотник в лесу.

18. ЧУР*

Забывтых прадедов дубовый истукан,
Я родовой очаг не охраняю боле.
Давно уж красный кут покинув поневоле,
Я огород храню, сторожевой чурбан!..
Потомки мирные воинственных древлян
Не знают витязя, когда-то смело в поле
Их предков ведшего, Перуна властной волей,
К победам сладостным. Досель как будто пьян,
Едва лишь вспомню я пернатых стрел шипенье...
Мечей сверкание... кровь, бьющую из ран...
Чубы косматые... победный клик славян...
Меда пахучие... и твой напев, Баян!..
Теперь исчезло все. Всему удел — забвенье.
И вздох прошелестел, как ветра дуновенье.

* Чурами назывались живущие в доме души предков, а заодно и изваяния последних. Иногда они показывались в виде животных.

19. МАКОВЕЯ*

Ночь тиха. На землю свет бесстрастный
Прорезая тучи, льет луна.
Мака недожатая стена
Средь полей виднеется неясно.
И над нею светлый и прекрасный
Реет призрак. В сумраке видна

Под венком тяжелым белизна
 Лица вечно юного. Напрасно
 К деве той пытаться подойти
 И в лицо смотреть ей. Маковья
 Глаз людских не любит и, бледнея,
 Расплывется в воздухе... Лети,
 Дочь Земли стыдливая! Во тьме я
 Пляске помешал твоей... Прости!

* Почитание этой богини, пляшущей иногда, по преданию, ночью, в венке из маков на своем поле, заменено христианскими проповедниками чествованием памяти иудейских патриотов, братьев Маккавеев.

20. СОН ЛЕТА

Дворцы богов таит заоблачная высь,
 А в том, что краше всех, за пряткой золотою
 Царица Лето спит, и к ней, влетев толпою,
 Сны в пестрый хоровод, кружась, переплелись,
 На бело-розовый свой локоть опершись,
 С улыбкой сонной зрит богиня; над волною
 На колеснице сын летит и красотою
 Пленяет водных дев. Те взорами впились
 В Дажбога светлого и пеною морскою
 Со смехом брызжут вверх в честь юного царя,
 К себе его зовут, но он через моря,
 Через леса спешит небесною стезею
 И правит на закат, где ждет его с тоскою,
 От всех скрываемой, прекрасная Заря.

21. ПОЛЕВИК

Я — тоже бог, и мне принадлежат поля;
 Я и велик, и мал бываю — как колосья
 Иль злаки на лугу. Сам — черен, как земля;
 Бледней увядших трав висят мои волосья.
 Как перепел, меж нив шныряю вкривь и вкось я
 И вдоль межи бегу быстрее коростеля,
 Но не сломлю нигде ни одного стебля.
 А встретятся хмельной Пахом или Федосья,
 Что крутит колоски, — так настрашаю их,
 Что не найдут пути домой они с испугу,
 Не порти людям хлеб и нив не мни моих!..
 Я лешему сродни. Иду к нему как к другу.
 Нас ночью видели бредущими по лугу
 К реке, чтобы ловить русалок там нагих...

22. ПЛАЧ ЛАДЫ

Над погибшим божичем Ярилой
 Плакала тоскующая Лада:
 «Ты куда ушел, моя услада?!
 Оживи, вернись, мой божич милый!
 Не хочу, чтоб взят ты был могилой,
 Чтоб тебе была Марена рада.
 Ах, очнись! Сказать мне что-то надо...

Пробудись! Услышь мой стон унылый!..
 Пусть любила не одна тебя я,
 Пусть тобой любимо было много, —
 Все мы стонем, все у Чернобога
 Просим, слезы на песок роняя*,
 Чтоб тебя от смертного порога
 Нам вернула Мать Земля Сырая»...

* Слезы соответствующей вендской богини, когда та оплакивала возлюбленного, падая на песок, обращались в янтарь. В русских хороводных песнях оплакивается Ярило, лежащий в гробу, в желтом песке.

23. ЧАША ЧЕРНОБОГА*

Как туча черная, мой темен грозный лик,
 Глядящий на тебя со дна священной чаши.
 Ты счастлив, что теперь не могут лица наши
 Иначе встретиться — под грозный бранный клик,
 В кипящей кровию живых и мертвых каше.
 Узнал бы ты тогда, как Чернобог велик,
 Какой бы ни был твой народ или язык,
 Как ни были б крепки бойцы и копья ваши!
 Теперь я только тень былых победных дней,
 Лишь слабые черты воинственного бога
 На тусклом серебре. Вина на них возлей
 До вытертых краев. Зови меня и пей
 Из кубка моего. И ночью у порога
 Сереброусого ты узришь Чернобога.

* Упоминается как злой бог у Гельмольда (XII в.). О нем же, по-видимому, говорится в Книтлингсаге.

24. ЗАБЫТЫЕ БОГИ

Лишь начнут виноград убирать,
 Мы встаем из тумана забвенья
 И воздушною легкою тенью
 Возвращаемся к жизни опять.

При сиянии алой зари
 Над землею мы вновь пролетаем
 И печальные взоры кидаем
 На разбитые в прах алтари...

Благовонной струей фимиам
 Аравийский на них подымался.
 Камень алой струей орошался,
 Кровью жертвы, предложенной нам...

Мы печально летим над землей,
 Безотрадные взоры кидая,
 И картины родимого края
 Перед нами встают чередой.

25. БЛИЗКИЕ ТЕНИ

«Мы облетевшие листья с дерева жизни;
 Мы только тени того, что было когда-то;
 Мы лишь несбывшийся сон о светлой отчизне,
 Отблеск зари, побледневший после заката.
 Призраки смутные, мы в стране сновидений
 С вами встречаемся, братья, скорбью объаты;
 Бродим мы вместе в полях среди странных растений,
 Поступью легкой скользим в немые палаты.
 Нежен при входе в них слой серебряной пыли;
 Свет вроде лунного пал на темные плиты;
 Мертвенным блеском луны нездешней облиты,
 Статуи строгих зверей на страже застыли...
 Катится время, и мы бледнеем и таем,
 Вами забытые сны, забытые братья.
 Мы в неизвестную тьму от вас улетаем,
 Облик покинув земной, как старые платья...»
 Так мне шептали, склоняясь, близкие тени.
 Сердце сжималось во мне мучительной болью.
 Душу наполнили мне беззвучные пени
 Тех, чья душа пленена загробной юдолью.

26. СВЕТЛЫЙ ВИТЯЗЬ*

Белый конь по снеговым полянам
 Где ни ступит, там земля видна.
 Пробудить природу ото сна
 Едет витязь под плащом багряным.
 Всюду чтится по славянским странам
 Светлый бог. Рука его сильна,
 И Марену копием она
 Поразит, одетую туманом...
 Золота червонного перчатки
 Крепко держат конскую узду.
 Под венцом трясутся на ходу
 Жемчуга подвесок в беспорядке.
 Кто ты, бог, стремящийся для схватки
 По снегам и тающему льду?

* Изображение этого бога дошло до нас на иконах святого Георгия Победоносца (в кавалерии не служившего) и в «Стихе о Егории Храбром».

27. МАРЕНА* — ДАЖБОГУ

- О, светлый юноша, мой враг прекрасный, я,
 Поверь, не в бой вступать — любить тебя готова.
 Сойди ко мне с коня — пусть снежная дуброва
 Приют нам неги будет, Дажбог. Я — твоя.
 Брось наземь этот щит и острие копья
 В грудь белую мою не направляй сурово.
 Меня нельзя убить... Уйду, но знай, что снова
 Вернусь, твой нежный лик в душе моей тая...
 Но, ах, найду ль в живых тебя я, возвратясь?!
 Растратив юный пыл с Землею, а Купалой
 Покинут для других, обманутый, усталый,
 Ты в сердце радость жить утратишь, милый князь,

И, завернув лицо в свой плащ багряно-алый,
Уснешь навек, увы, со мной не примирясь!

* Богиня зимы и смерти у древних славян. Близка к Морозу.

28. РОД*

Мы — прашуры твои. Меж нас отец и дед
И прадед твой стоят, потомок наш беспечный.
Все зорко мы следим, как путь твой скоротечный,
Преуготованный, средь радостей и бед,
Свершаешь ты, идя, с надеждой... нам вослед.
Тот путь известен нам. Блюдя закон предвечный,
Едва родился ты, мы из щели запечной
Беззвучно выползли всем сонмом на совет
Таинственный, ничьим не зримый смертным глазом —
Судьбу твою решить и твой направить разум.
При свете трепетном пылающих лучин
Свершали мы суда полуночного чин,
С улыбкой грустною благословляя разом
Тебя на жизнь и смерть в юдоль земных кручин.

* Собрание мужских предков со стороны отца у каждого человека. О поклонении роду и рожаницам говорится в нескольких памятниках XII-XV столетий.